

ВЕЛИКИЕ КАРЫ НЕБЕСНЫЕ И ЗЕМНЫЕ БЕДСТВИЯ

В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВЕРНОПОДДАННОГО СЛУЖАЩЕГО АВГУСТЕЙШЕГО
ПРАВИТЕЛЯ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ (НА ПРИМЕРЕ ДОКЛАДА
Фудзивара Ацумицу 1135 г.)*

GREAT PUNISHMENTS OF HEAVEN AND EARTHLY CALAMITIES

THROUGH THE EYES OF A LOYAL EMPEROR'S SERVANT IN EARLY MEDIEVAL
JAPAN (THE CASE OF FUJIWARA ATSUMITSU'S REPORT OF 1135)**

Максим Васильевич Грачёв

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
и культуры Японии Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ); доцент кафедры стран
Восточной Азии Государственного академического универ-
ситета гуманитарных наук; Москва, Россия; maxgr73@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

Maxim V. Grachyov

PhD (History), Associate Professor, Department of History
and Culture of Japan, Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University; Associate Professor,
Department of East Asian Countries, State Academic
University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia
maxgr73@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

- * Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
- ** The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

В статье анализируется доклад Фудзивара Ацумицу (1063–1144) об изъянах государственного управления и опасности разрушения державы, представленный трону в 1135 г. Доклады подобного рода представляли собой один из главенствующих инструментов политики и были конфиденциальными документами, не предназначенными для широкой публики.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, придворное общество, чиновничество, официальная документация, доклад трону, стихийные бедствия, голод, эпидемии.

Для цитирования: М. В. Грачёв. Великие кары небесные и земные бедствия в представлениях верноподданного служащего августейшего правителя в раннесредневековой Японии (на примере доклада Фудзивара Ацумицу 1135 г.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 137–151. DOI: 10.18254/S268684310010371-6

This article presents the Memorandum of Fujiwara Atsumitsu (1063–1144) on the situation in the state and the risks of its destruction. A report to the emperor (or ex-emperor) that contains a detailed account of an issue as well as outputs and suggestions of the reporter was considered as one of major political instruments when the courtier expostulates any possible defects in the state management system. A report, though it should have been made in a manner of high literature, was a confidential document not for public referring to the sphere of non-declaratory but real politics.

Key words: Heian Japan, court society, bureaucracy, formal documentation, report to the throne, natural disasters, hunger, epidemics.

For citation: Maxim V. Grachyov. Great Punishments of Heaven and Earthly Calamities through the Eyes of a Loyal Emperor's Servant in Early Medieval Japan (the Case of Fujiwara Atsumitsu's Report of 1135). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 137–151. DOI: 10.18254/S268684310010371-6

Существует множество способов проникнуть в суть важнейших исторических проблем. Один из них — прибегнуть к исторической реконструкции, став одновременно и «участником», и «наблюдателем» предмета изыскания, исполняя сколь противоположные, столь и взаимосвязанные роли. Устремления исследователя, пытающегося воссоздать (по тонкому замечанию Ю. Л. Бессмертного) «сетку координат» обитателей изучаемой эпохи [*Человек в мире чувств...* 2000, с. 16–24], соотносятся с намерением видеть мир так, как видели его непосредственные участники исторических событий. Чтобы суметь остаться «наблюдателем», отличающим действительность и вымысел [Ambrosius, 2004, р. 8–9], следует сохранять беспристрастность, позволяющую добиться чистоты исторической или историко-культурной реконструкции. Поскольку любой человек связан с другими людьми множеством невидимых нитей, необходимо обращать пристальное внимание не только на субъект исследования, но и на его окружение.

Предпримем же попытку рассмотреть один из ключевых моментов политической истории эпохи Хэйан (794–1185) посредством скрупулезного изучения прецедентов, имеющих отношение к жизненному пути придворного мужа Фудзивара Ацумицу.

Фудзивара Ацумицу (1063–1144) — знаменитый литератор и знаток конфуцианского канона был сыном Фудзивара Акихира (989–1066), считавшегося одним из блистательных специалистов в области книжной учености, но в четыре года потерял отца и был взят на попечение старшим братом (Фудзивара Ацумото, 1046–1106), входившим в ближний круг доверенных лиц наследника престола (будущий император Хорикава). Ацумото, в дальнейшем зарекомендовавший себя общепризнанным авторитетом в области изящной словесности, взрастил Ацумицу, привив ему интерес к учености. В 1094 г. Ацумицу блестяще прошел испытание на чиновничью должность, предоставив в распоряжение экзаменаторов мастерски исполненное

письменное творение (*тайсаку*). Впоследствии он усердно нес службу в столичных ведомствах различного уровня. Пребывая на посту главы столичной школы чиновников (*Дайгаку*), уделял особое внимание постижению премудростей китайской учености и обучению будущих государственных мужей. В 1122 г. он стал старшим помощником главы центрального кадрового ведомства (*Сикибусё*), сосредоточив свои усилия на подборе квалифицированного персонала и аттестациях придворных чиновников, дабы при дворе отправляли должности люди, обладающие деловыми императивами и профессиональными компетенциями. Заслуги Ацумицу не остались незамеченными, ибо при государях Хорикава (прав. 1086–1107), Тоба (прав. 1107–1123) и Сутоку (прав. 1123–1141) он исполнял функции наставника наследника престола и главного пестователя студентов столичной школы чиновников, обучая их такому важному делу, как верноподданническое служение императору. Император Тоба благоволил Фудзивара Ацумицу и допустил его в свой ближний круг. Именно во время правления Тоба его царственно-державный дед (по другой версии — отец, чем и объясняется напряженность отношений. — М. Г.) Сиракава (1053–1129, прав. 1072–1086) возымел намерение сотворить грандиозный компендиум мудрости. Поставленная цель была реализована. Недюжинными усилиями незаурядных ученых мужей в 1116 г. был составлен масштабный свод актовой документации «Обозрение двора и дальней округи», где рассматривались все стороны жизни столичного региона и периферии¹, а Фудзивара Ацумицу, принадлежащий к плеяде составителей «Тёя гунсай», увековечил свое имя. Черновики многих императорских эдиктов императоров Тоба и Сутоку также были составлены опытной рукой Ацумицу. Однако придворные интриги и происки недоброжелателей не

позволили Ацумицу получить желаемый пост придворного советника (*санги*). В 1144 г. он тяжело захворал, ушел на покой и в том же году скончался. Его докладная записка 1135 г., составленная высоким стилем в духе утонченной литературы, была по достоинству оценена не только высокообразованными государем Сутоку, но и восхитила экс-государя Тоба, использовавшего ее для обоснования жесткого политического курса. Докладная записка Фудзивара Ацумицу, перевод которой представлен читателю, вошла в собрание «Продолжение “Литературных стилей нашей страны”» («Хонтё дзоку мондзуй»), служившее для придворных образцом при составлении любых письменных произведений (стихотворения, прошения, экзаменационные сочинения, докладные записки, распоряжения, указы, письма, обращения к Будде с желаниями, так называемые «гаммон» и т. д.). Показательно, что выдающиеся творения Фудзивара Ацумицу, стремившегося уподобиться в мастерстве сочинительства отцу, нашли отражение в собрании «Хонтё дзоку мондзуй» наравне с несравненными шедеврами его отца — Фудзивара Акихира, а также Оэ Масафуса (1041–1111) — великого мастера поэтического слога и утонченной прозы².

Предыстория докладной записки 1135 г. требует отдельного рассмотрения. Источники свидетельствуют о многообразных бедствиях, постигших Японию в преддверии 1135 г. В 1110, 1118–1119, 1127–1128, 1133–1135 гг. невообразимые лишения по причине природных катаклизмов испытывало население островов Хонсю, Кюсю и Сикоку. Зловещие доказательства кризиса являли и земля, и небеса. С каждым новым страшным событием, посылаемым свыше, тревога в душе людей императорского двора нарастала. О страхе перед неведомыми силами, спровоцировавшими разгул стихии в Японии, и панических настроениях, воцарившихся при

1 До нашего времени текст дошел не в полном объеме (21 свиток из 30). См.: [Тёя гунсай, 1964].

2 Оэ Масафуса был примером для подражания в области литературных талантов, а потому удостоился высочайшей похвалы и современников, и потомков. Сиятельный вельможа Фудзивара Мунэтада восторженно именовал Масафуса «ясным зеркалом Поднебесной», «величественной стороной императорского двора», «фонарем и свечой словесности», «достоинейшим подданным державы» [Тююки (Тэнъэй), 2–11–5, 1111].

дворе государей Тоба (прав. 1107–1123), Сутоку (прав. 1123–1141), Коноэ (прав. 1141–1155) и Го-сиракава (прав. 1155–1158), повествуют различные исторические материалы. Даже накануне смуты годов Хогэн (1156), когда были попраны главенствующие устои хэйанского мироустройства, небеса обнаруживали неединичные знаки приближающейся катастрофы. Знаки эти, увы, хоть и были услышаны, но предотвратить беду не могли, ибо власть предрержащие оказались неспособны внять предостережению высших сил и сохранить привычный порядок; как следствие воцарился хаос, завершившийся крушением хэйанской государственности.

Дабы лучше понять события, происходившие в первой трети XII столетия, названного незаурядным религиозным деятелем и «историком» Дзиэном (1155–1225) «эпохой смут» (*ран-но ё*) и «веком воинов» (*муся-но ё*), обратимся к свидетельствам современников этих печальных времен, ибо несчастливые лета, часто обрушивающиеся на «Стрекозий край» (одно из наименований Японии. — *М. Г.*), изобильно запечатлены в письменном наследии тех времен. Из великого многообразия имеющихся в распоряжении исследователей текстов ниже приведены лишь наиболее показательные свидетельства разгула стихии, вселившего ужас в жителей столичного региона, ибо всеобъемлющее ненастье осталось в памяти очевидцев предзнаменованием приближающихся безрадостных перемен. Свидетелями погодных аномалий были многие вельможные сановники императорского двора, как, например, Миномото Моротоки

(1077–1136), Накаяма Тадатика (1131–1195)³, Фудзивара Тададзанэ (1078–1162) и, конечно же, Фудзивара Мунэтада (1062–1141), записи которого исключительно подробны⁴.

1110 г.

4-й лунный месяц:

«Летом в Поднебесной пришли в негодность хлебные злаки. Расплодились гусеницы. Урожай пропал. Простой люд испытывает невероятные мучения» [*Тююки* (Тэннин), 3–4–14, 1110].

5-й лунный месяц:

«Ныне в предрассветной мгле в юго-восточном секторе небосклона появилась комета. Толкователи небесных знамений были вызваны на экстренное совещание во дворец (о политических совещаниях *дзин-но садамаэ* подр. см.: [Трачёв, 2007, с. 10–12]). В пятом лунном месяце третьего года Тэннин (1110 г.) в восточном секторе небосклона также была видна комета, а в 6-й и 7-й луне того же года случилось обширное половодье, недород и голод» [*Санкайки* (Тисё), 2–1–17, 1178].

7-й лунный месяц:

«В нашем мире обнаружилась еще одна напасть — повсеместные хвори» [*Дэнрэки* (Тэнъэй), 1–7–12, 1110].

1118 г.

4-й лунный месяц:

«Уже десять дней дождь льет, как из ведра. Что за напасть?» [*Тююки* (Тэнъэй), 1–4–12, 1118].

3 Накаяма часто ссылается на записи отца в дневнике, не дошедшем до нашего времени, а по поводу бед 1134 г. неоднократно замечает, что хорошо запомнил тот страшный год и с тех пор сохранил чувство страха, когда на улице бушует непогода.

4 Фудзивара Мунэтада долгие годы не без оснований сохранял статус одного из самых влиятельных царедворцев. Он, как и один из его предшественников — Фудзивара Санэсукэ (957–1046), был весьма конкретен в формулировках и не демонстрировал высокомерия и самолюбия, оставаясь человеком, строгим к себе и другим. Это делает дневник Фудзивара ценнейшим источником знаний о мире императорского двора в эпоху Хэйан. Ко времени вышеозначенных событий Мунэтада занимал ключевые посты и входил в состав высшего совета, где обсуждались главенствующие вопросы политики и формировался государственный курс: с 1107 г. он политический советник среднего ранга (*тюнагон*), с 1122 г. — старший советник (*дайнагон*), а с 1131 г. — всесильный внутренний министр (*найдайдзин*), обладавший таким мощным ресурсом власти, как право предварительного просмотра документов (*найран*), еще до того как они станут известны другим членам государственного совета, что делало его весьма информированным сановником.

«Пасмурно. Ливень. Все еще продолжают затяжные дожди. Ночью застудился, поскольку было очень морозно» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–4–14, 1118].

«Облака рассеялись. Дожди прекратились. Показалось солнце и просветлело» [*Тююки* (Гэнъэй), 14–18, 1118].

5-й лунный месяц:

«Ранее без остановки неистовствовали ливни, что сулило Поднебесной великие бедствия. ...Но вот уже несколько дней жара и засуха. Люди испытывают невообразимые страдания. Почему же дожди закончились?» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–5–25, 1118].

«День за днем жара и засуха. Поднебесная страдает. Вот бы после полудня полил дождь?!» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–5–28, 1118].

8-й лунный месяц:

«В столице и окрестностях множество умерших голодной смертью людей. Высокий августейший правитель (отрекшийся государь-иннок Сиракава. — *М. Г.*) повелел открыть личные зернохранилища для экстренных нужд, дабы оказать помощь бедным и находя-

щимся в крайней нужде» [*Хякурэнсё* (Гэнъэй), 1–8–0, 1118].

1119 г.

2-й лунный месяц:

«Прошлой ночью старший чин Министерства гражданских дел Токитада был зарезан разбойниками во время вооруженного грабежа. Ныне в столице и окрестностях развелось много грабителей, которые нападают на людей и проникают в дома. Жестокие убийства людей неисчислимы. Управы, коим надлежит следить за порядком, разбойникам попустительствуют. Что происходит? Неужели ныне Поднебесная погружается во мрак? Такие вот настали времена!» [*Тююки* (Гэнъэй), 2–2–30, 1119]⁵.

6-й лунный месяц:

«Весь день ливень. За ночь дождь так и не прекратился, но ослаб, а посему я обрадовался утреннему дождю, обратив взор в сторону Храма Востока⁶ ...Ранее в 15-й день⁷, когда отправился в храм Тодзи на богомолье, в Поднебесной явил себя Демон Засухи⁸. День за днем продолжались

5 У Мунэтада были причины сокрушаться. Только вздумать: в «граде мира и спокойствия» безмятежной лунной ночью убит высокопоставленный сановник императорского двора, обязанный по долгу службы поддерживать тот самый порядок, который был грубо погран его жестоким убийством.

6 Храм Востока — Тодзи. Утренний небольшой дождь перед поездкой в храм (а Минамото Моротоки запланировал поездку в Тодзи) считался хорошим предзнаменованием, сулящим удачный исход начинания.

7 В тот день были также проведены моления о ниспослании дождя [*Тёсюки* (Гэнъэй), 2–6–15, 1119].

8 Демон Засухи (*Канхацу*, кит. *Ханьба*). Его приход сулил жару и знойную погоду, сопровождающуюся гибелью посевов и эпидемиями. Согласно «Шань хай цзин», происхождение Демона Засухи связывается с небесной девой Ба, которая «не смогла вновь подняться [на небо]» и осталась жить на земле, а потому «где она поселилась, там не стало дождей» [*Каталог гор и морей...* 1977, с. 125]. В древней и средневековой Японии верили, что Демон Засухи сам по себе является одним из наихудших бедствий. Его буйство знаменует тяжелые времена для страны, когда простые люди обречены на голодную смерть. Царедворец Фудзивара Санэсукэ отмечал: «Сейчас Демон Засухи отступил. Шестой, седьмой и восьмой день подряд непрерывно льют дожди, а к концу восьмого дня началось половодье. Выходы чуть-чуть поднялись» [*Сёюки* (Жаннин), 1–5–28, 1018]. Мнению сановника вторят и «голоса» проверяющих с мест (отчет из владений храма Кофукудзи): «В прошлом году (1169 г. — *М. Г.*) по всей Поднебесной свирепствовал великий Демон Засухи. Высокие хлеба все еще не восстановились. Выходы нового урожая во многих местах погибли. Осуществляемое сообща возделывание земли не приносит желаемых результатов» [Такэути Ридзо, 1947–1980, Т. 7, № 3547]. Удручающая картина обнаруживается и в другом документе (речь идет о пространном донесении 1072 г. о положении дел в земельных владениях Ивасимидзу Хатимангу Гококудзи, где приводятся примеры предшествующих катаклизмов 1024, 1025 и 1034 гг.): «Работный люд массово гибнет. Многие поля в частных владениях пребывают в запустении. ...Демон Засухи принес страдания, которым нет конца» [Такэути Ридзо, 1947–1980, Т. 3, № 1083]. Управляющий частным владением (*сёэн*) Такадэн, принадлежавшим храму Тодайдзи, из провинции Ямато справедливо заключил, что с приходом масштабной засухи 1169 г. «вся страна приобрела горький опыт» [Такэути Ридзо, 1947–1980, Т. 7, № 3546].

томительные ожидания перемен к лучшему. И когда на северо-западе поднялись облака⁹, и когда на юго-востоке образовалось дождевое болото (т. е. блага и милости ниспосылаются в изобилии. — *М. Г.*). Мало-помалу похолодало. Струи дождя полились обильным потоком. То было длительное ненастье, ибо хлынули ливневые дожди, а потоки воды переполнили все вокруг. Неужто настал конец света? Сбываются ли предсказания?¹⁰ Можно ли величать людей искренними, коли они неспособны продумывать и обсуждать?» [*Тёсюки* (Гэнъэй), 2–6–19, 1119]¹¹.

1127 г.

2-й лунный месяц:

«Заполыхали дворцовые постройки» [*Тююки* (Дайдзи), 2–2–14, 1127; *Хякурэнсё* (Дайдзи), 2–2–14, 1127]¹².

3-й лунный месяц:

«Вспыхнула сокровищница Храма Востока» [*Тодзи тёдзя бунин* (Дайдзи), 2–3–13, 1127]¹³.

7-й лунный месяц:

«Весь день обильный дождь и сильнейший ветер. Река (Камогава. — *М. Г.*) вышла из берегов, и началось наводнение. Дороги стали непроходимыми» [*Тююки* (Дайдзи), 2–7–19, 1127].

«Камогава вышла из берегов. Простолудины с большим трудом переправлялись через реку. Во второй половине дня я вернулся в столицу. День за днем дождь льет и льет. Случаются и наводне-

ния. Поднебесная гибнет!» [*Тююки* (Дайдзи), 2–7–20, 1127].

9-й лунный месяц:

«Осень подошла к концу, а ливневые дожди все еще продолжают. Слышал, что во всех провинциях много тех, кто доведен до отчаяния» [*Тююки* (Дайдзи), 2–9–9, 1127].

10-й лунный месяц:

«В Поднебесной свирепствуют болезни. В том последствие многочисленных предшествующих злосчастий» [*Тююки* (Дайдзи), 2–10–12, 1127].

1133 г.

8-й лунный месяц:

«С наступлением осени дожди заметно усилились, принеся с собой немало разрушений» [*Хякурэнсё* (Тёсё), 2–8–8, 1133].

9-й лунный месяц:

«Ливень. Провели моления о причинах напасти» [*Тёсюки* (Тёсё), 2–9–10, 1133].

«Всю ночь ветер и сильный дождь. Помощник главы государевой канцелярии Сукэнобу опубликовал отчет о гаданиях по причине постоянных ливней. Посему срочно вернулся во дворец для участия в экстренном государственном совете. ...Сукэнобу с полной уверенностью заявил: “Затяжные ливневые дожди — это гнев¹⁴ божеств!”. Ведомство Темных и Светлых сил (Оммёрё. — *М. Г.*), между тем, настаивало на проведении дополнительных гаданий и осуществлении ритуалов очищения от скверны,

9 Ассоциация с устойчивым выражением: «когда поднимаются облака, то из них вылетают драконы», т. е. в сложной обстановке появляется надежда на спасение.

10 Речь идет о многочисленных предсказаниях, имеющих отношение к якобы наступившей в 1052 г. «эпохе Конца Закона» (*манпо дзидай*). В одном из таких предсказаний приход «эпохи Конца Закона» устойчиво увязывается с непредсказуемостью погоды, когда периодически на страну обрушивается невыносимая жара. См., напр.: [*Хонтё сэйки* (Кюан), 4–4–10, 1148].

11 Дневник Минамото Моротоки (1077–1136) — политического советника двора и главы Личной государевой канцелярии (Куроодо докоро), бывшего ближним доверенным лицом императора, а потом и экс-императора Тоба.

12 Контекст сообщений: пожары происходили по причине палящей погоды.

13 В пояснениях отмечается, что несколько дней у монахов было чувство, что постройка парит и от нее исходит горячий воздух (досл. «пламенный ки»), а потому здание периодически обливали водой, но эти меры не уберегли от «огненного петуха». Потери храма по причине утраты сокровищницы были колоссальны (включая драгоценные сутры, привезенные Кукаем из Китая и почитавшиеся за реликвии).

14 Татары. Собственно гневающиеся божества — это *татаригами*.

ибо только так можно окончательно определиться с истинной причиной бедственного катаклизма, о чем делопроизводители и сообщили главе государственного совета. Сукэтика сказал, что надобно составить доклад о результатах гадания, и все согласились. Доклад был составлен в краткой форме» [Тёсюки (Тёсё), 2–9–12, 1133].

1134 г.

5-й лунный месяц:

«Каждый день ливневые дожди и наводнения. Дороги в столице и окрестностях пришли в полную негодность. Семь регионов и пять столичных провинций (т. е. вся страна. — М. Г.) пребывают в величайшем беспокойстве» [Хякурэнсё (Тёсё), 3–5–0, 1134].

9-й лунный месяц:

«С вечера прошлого дня лил непрерывный дождь, сопровождающийся ураганным ветром. Многие дома в столице и окрестностях были разрушены. Нынешний год ознаменован наводнениями, страшными пожарами и губительными штормовыми ветрами» [Тююки (Тёсё), 3–9–12, 1134].

«Ураганные ветра сотворили немало разрушений, поломав деревья и ограды и порушив постройки. Из зданий государственных управ и жилых домов в столичном граде и его окрестностях не осталась ни одного неповрежденного строения. В этом году ветры, воды и огонь — суть три горе-злосчастия» [Хякурэнсё, Тёсё, 3–9–12, 1134].

12-й дополнительный лунный месяц:

«В нынешнем году ветра и воды были чрезвычайно губительными. К концу осеннего сезона на Поднебесную обрушились повсеместные

эпидемии. Для десятков тысяч людей настала черная полоса. Что же это за проклятый год такой?» [Тююки (Тёсё), 3–12 доп.–30, 1134].

1135 г.

3-й лунный месяц:

«Высокий августейший правитель прибыл в храм Хосёдзи. Тысяча коку риса¹⁵ раздали в качестве вспомоществования бедным и испытывающим лишения людям» [Хякурэнсё (Тёсё), 4–3–17, 1135].

4-й лунный месяц:

«Высокий августейший правитель (отрекающийся император Тоба. — М. Г.) пожаловал провинции Харима три тысячи коку риса. Поскольку в Поднебесной голодный мор, то в обеих столицах — восточной и западной — было вспомоществование страждущим и нуждающимся. Провели общее молитвенное собрание и служение о спасении всех душ» [Хякурэнсё (Тёсё), 4–4–8, 1135].

Очевидцы событий, как и составители летописных сводов и дневниковых записей последующих эпох, не скупясь на обилие мрачных красок, рисуют самую удручающую картину будничности столичного града и его обитателей¹⁶. Катаклизмы, вселившие ужас в жителей столичного региона, остались в их памяти как предзнаменование приближающихся безрадостных перемен. Небесные знаки знаменовали для всех большие события, а потому к толкованию таких предвестий относились глубокомысленно, с особой осторожностью.

Бедствия, согласно представлениям того времени, могли быть вызваны различными причи-

15 Коку — традиционная японская мера объема. Один коку риса приблизительно равен 150 кг.

16 Иногда непогода совпадала с томительным ожиданием долгожданного повышения по службе. И именно в этот момент случалось неведомое событие, способное омрачить думы придворного в и без того сложные времена. Приведем показательный, хотя и иллюстрирующий более ранние события, пример. В дневнике Фудзивара Санэсукэ читаем: «В этот день должно было состояться обсуждение дел в Государственном совете. В дом одного из ближних государевых слуг залетела горлица и, пробив там недолго, выбралась на волю (досл. «вылетела прочь». — М. Г.). По этой причине тотчас было приказано провести гадание на счастье или несчастье (рэйсэн киккё)» (т. е. решали к добру или худу примета. — М. Г.). В конце концов было установлено, что примета хорошая, сулящая продвижение по карьерной лестнице (об этом сообщается в одной из последующих записей, когда речь идет о похвале императора в адрес чиновника, в доме которого произошло происшествие [Сёюки (Мандзю), 3–10–26, 1026].

нами: несправедный путь правителя (предзнаменования в таком случае понимались в качестве «кары» за «недолжные» деяния); неистовство негодующих божеств-«*татаригами*»; мстительность духов людей, сгинувших насильственной смертью (*горё*); нашествие морских разбойников; ненадлежащее поведение монахов, пренебрегавших монастырской дисциплиной; или же «активность» «тысячелетней змеи», которой сподобилось трансформироваться в «дракона»¹⁷. Придворные отнюдь не молчаливо взирали на происходящее, а старались в меру сил реагировать. Для каждого случая существовал свой инструментарий избавления от напасти.

Из общегосударственных летописных сводов, дневниковой литературы и актов документации нам известны многообразные примеры защитительных мер, предпринимаемых при дворе на «отклик» высших сил, если таковой приобретал внушающую ужас и наводящую страх окраску. Постараемся суммировать, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники эпохи Хэйан, совокупность «ресурсов», призванных «оборонить» государство от обрушившихся бед: 1) моления в буддийских храмах и синтоистских святилищах, включая их посещение высокородными особами; 2) молебны

духам гор и рек о дожде или прекращении засухи; 3) гадания на панцире черепахи, лопатке оленя, стеблях бамбука и тростниковых палочках; 4) создание разнообразных талисманов и амулетов защитительного свойства; 5) проведение при участии служащих Палаты Земных и Небесных духов и Ведомства Темных и Светлых сил полифункциональных очистительных обрядов с целью избавления от ритуальной скверны (*кэгарэ*); 6) специальные буддийские церемонии и молебственные собрания; 7) переписывание буддийских сутр и осуществление дискуссий об истинности буддийского закона во дворце¹⁸.

Поздние источники, между тем, свидетельствуют о том, что небеса продолжали насыщать устрашающие предупреждения: засуха и эпидемии лютовали в 1150–1156, 1161, 1169, 1174–1175, 1180–1182 гг.¹⁹ Но в этой престранной круговерти случались и события, вполне соответствующие принципам «печального очарования» (*моно-но аварэ*) и «таинственной утонченности» (*югэн*), лежащих в основе гедонизма придворной знати хэйанской поры. Очень показательна «история» Левого министра Фудзивара Ёринага (подробнее о нем см.: [Грачёв, 2014, с. 42–50]), обладавшего недюжинным интеллектуальным потенциалом,

17 Приведем знаковое свидетельство. В 828 г. после серии землетрясений и горных оползней, вину за которые император Дзюнна (прав. 823–833) взял на себя, определяя беды как «кару небес за прегрешения», правый министр Фудзивара Оцугу заявил, что «производящее свойство земли пришло в беспорядок; горы рухнули, а земля затряслась» не столько по вине государя, сколько по причине безучастности ближних слуг правителя (досл. «ног и рук») к судьбе державы, их нежелания оказывать всестороннюю поддержку своему повелителю [*Нихон коки* (Тэнтё), 5–7–29, 5–8–11, 828].

18 Молебны во избавление от горестей могли сопровождаться подношениями «в 22-х святилищах». Соблюдению порядка придавалось особенное значение (защитительные действия во дворце и на территории наиболее значимых объектов доверяли проводить только признанным мастерам своего дела), а отступление от установленных процедур (например, невыполнение служащими Палаты земных и небесных божеств обязательств по проведению гаданий по причине бездождия) вызывало недовольство и осуждение на самом высоком уровне [*Сёюки* (Тёгэн), 5–5–11, 1032; *Тююки* (Эйтё), 1–6–14, 1096]. Порой случались курьезы, которые не умоляли сути главенствующих предохранительных предприятий и не расстраивали участников. Известен пример, когда неустанные моления о дожде на протяжении пяти дней вызвали ливень с грозой и участники ритуальных стрельб из лука промокли до нитки (досл. «вода стекала с них потоками, напоминающими скрученные нити»). Однако автор этого сообщения возблагодарил небеса за ниспосланный дождь, ибо предшествующая десятидневная жара была невыносима (от палющего зноя «даже бесподобная груша с покрученным стволом в моем саду стала рыдать, истекая слезами, вызывая у меня меланхолично неутешительные воспоминания», — резюмирует сановитый царедворец). Обстоятельные умозаключения о защитительных мерах в случае катаклизмов природы см.: [Фудзимори Каору, 2000].

19 О буйствах стихии и пугающе скоротечных переменах погоды в 1050–1055 гг. детально повествует дневник Левого министра Фудзивара Ёринага (1120–1156). Публ. текста: [Дайки, 1965].

восхищавшим и современников, и потомков. В своем противостоянии хитрому, коварному и играющему судьбами людей императору Го-сиракава (прав. 1155–1158) Ёринага оказался в стане проигравших во время «смуты годов Хогэн» (1156 г.), был причислен к числу «первейших заговорщиков», имеющих «умысел мятежа», и скончался от ран и увечий в ожидании приговора, полный разочарования²⁰. Предпочитавший весеннюю, летнюю и осеннюю пору, Ёринага не терпел зиму. Наступление преждевременных зимних холодов он переживал очень тяжело, не раз отмечая, что ко всем испытаниям непредсказуемой и несоответствующей сезону погоды приобщается еще одна: «холодная *ки*» делает его жизнь мрачно безрадостной, подвергая в болезни и уныние (см., например, [Дайки (Кюан), 6–1–25, 1150])²¹.

Небезынтересна и «история» хворобы Правого министра Фудзивара Тададзанэ. Тяжело заболев, он испробовал немало методов изгнать болезнь, но хворь не отступала. Не помогло общение с монахами, а также подношения в синтоистском святилище. Все это сильно беспокоило Тададзанэ, поскольку он оказался ритуально загрязнен и не мог с полной отдачей участвовать в решении государственных дел (исполнять функцию предварительного просмотра важнейших государственных бумаг). Тогда сановник обратился к астрологу, который, «проведя гада-

ние на счастье и несчастье», определил «счастливым днем» для очищения «посредством мытья головы и купания», что и привело к исцелению недужного [Дэнрэки (Тэнъэй), 1–9–30, 1110].

Разгул стихии мог приносить беды различного характера. В 1115 г. пожар почти полностью уничтожил резиденцию императора-инока Сиракава. Понадобились безотлагательные меры. Служащими Оммёре был проведен «таинственный обряд» воздействия на «южный холодный пояс», вследствие чего на следующий день стало видно созвездие Цзюкань²². Так удалось очистить от ритуальной нечистоты новое обиталище экс-императора²³.

Возвращаясь к событиям, предшествующим 1135 г., отметим, что помимо природных аномалий в стране происходили и иные события, которые вряд ли могли ассоциироваться с «эпохой мира и процветания». Актовая документация, сводные исторические труды и дневники придворной знати содержат многообразные примеры политической нестабильности. Согласно официальной доктрине, в далекие времена стараниями божественных императоров было определено, что буддизм «оберегает страну», распространяя светоч образованности даже в дальних уголках подвластной правителю территории. С этой целью при императоре Сёму (прав. 724–749) власти инициировали создание разветвленной сети мужских и женских храмов

20 Согласно одной из версий, был смертельно ранен стрелой (стрелами); по другой — покончил жизнь самоубийством, откусив себе язык. Через несколько дней после смерти (гибель произошла в 14-й день 7-го лунного месяца 1-го года Хогэн, 1156 г.) Ёринага пост фактум был обвинен в государственной измене, его владения были конфискованы, а трое детей отправлены в ссылку. Подр. см.: [Мотоки Ясуо, 2000, с. 162–164, 166–167]. Последующие наводящие страх происшествия 1177 г. — эпидемия оспы, великий пожар в столице, когда выгорела треть города и погибли тысячи людей, буйство монахов храма Энрякудзи и политический заговор (так называемая «смута Сисигатани»), — стали предметом беспокойства придворных и ассоциировались с мезью злых духов, погибших во время смуты 1156 г. царедворцев, одним из которых был Ёринага. Поскольку «Поднебесная неспокойна по причине духов-горё» Ёринага, дабы успокоить его мятежный дух, был посмертно повышен в ранге и должности [Хякурэнсё (Тисё), 1–2–20, 1–4–13, 1–4–28, 1–5–21, 1–5–23, 1–6–1, 1–7–29, 1177].

21 В тот злополучный день, несмотря на наступление весны, «дождь со снегом хлестал без остановки» и Ёринага страдал от «переизбытка холодной *ки*».

22 Согласно китайским поверьям, находилось к югу от созвездия Козерога. Появление Цзюкань — благое предвестие.

23 Накануне пожара всю ночь бушевал ураганный ветер. Утро, тем не менее, выдалось ясное. Внезапно южные врата резиденции запылали, и огонь быстро охватил все соседние постройки. Огорчению Сиракава не было предела [Дэнрэки (Эйкю), 2–8–2, 2–8–3, 1115].

в центре и отдаленных провинциях²⁴. Всемерно поощрялось возведение храмов и молелен вне сети государственных монастырей (они обычно строились на средства местной элиты и «обеспечивали благоденствие» конкретной территории). В центре этой грандиозной конструкции должен был пребывать Тодайдзи («Великий храм Востока»).

Находящимся под патронажем государства буддийским монастырям вменялось в обязанность выполнение функции «защитников державы». Их обитателям надлежало денно и нощно усердствовать на поприще служения стране. Чтение сутр и проведение различных церемониальных действий должно было гарантировать безопасность и процветание императорской династии, и страны в целом. Покровительство буддийской церкви было необходимо, чтобы продемонстрировать щедрость и величие трона, а приверженность буддизму усиливала образ государя как добродетельного правителя. В бытность Фудзивара Ацумицу можно было наблюдать совершенно иную картину, знаменующую полный упадок монашеской дисциплины в государственных храмах.

Именитый царедворец Фудзивара Мунэтада (1062–1141), старательно служивший пяти императорам, сокрушался по поводу вырождения монашеской дисциплины и неподобающего поведения монашеской братии: среди монахов регулярно происходили вооруженные потасовки; постоянная вражда и насилие среди «слуг Будды» указывали на гибельность избранного «служителями закона» пути; даже божества, возмущенные злодействами монахов, «каждый раз» откликались на них «небесным сумраком» и «проливным дождем»; «непроглядная тьма поразила буддийский закон» и все это «подтверждало наступление эпохи окончания веры в Дхарму»

(*манпо*). Обсуждение сановниками двора инцидента 1104 г., когда «толпа в рясах» устроила побоище в святом месте, позволяет проникнуться атмосферой, царящей среди государственных мужей. Фудзивара Мунэтада подводит закономерный итог: «Ныне дело идет к тому, что братия и служащие святилищ Поднебесной вне зависимости от принадлежности к большому или малому учреждению поднимаются роем. Как подавать пример благочестия в эпоху конца света?! ...Братия, столица и внешние провинции повсеместно объаты хаосом. В том верительный знак небес, недоступный пониманию человека». На заседании высшего политического совета, где обсуждались преступления «монашествующей клики с горы Хиэй», один из сановников, взывая к здравому смыслу (*дори*), с горечью резюмировал: «Скопление более двадцати вооруженных людей запрещено действующими ныне законами, но в наши дни на горе Хиэй великая толпа в тысячу воинов участвует в вооруженных столкновениях с утра до вечера. Погибших не перечесать. ...Хотя в срочном порядке следует ввести запрет, такого распоряжения нет, а потому мы пребываем под принуждением братии (досл. «великой толпы»). — М. Г.) и вынуждены впервые провести это заседание. Разве можем мы сейчас противостоять насилию? Не должно ли прислушаться к высочайшей воле императора?» [*Тююки* (Тёдзи), 1–6–15, 1–6–19, 1–6–21, 1–6–24, 1104]. Будучи хорошо осведомленным служащим государева двора, Фудзивара Ацумицу не мог не знать о лихоедействиях тех, кто должен был по долгу службы способствовать стабильности государства, радея на ниве процветания императора и державы. Он тешил себя надеждой уведомить повелителя о бедах, способных разрушить страну.

Позволим себе привести образцовое свидетельство очевидца того, как в суровую годину в

24 Государственные мужские (*кокубунсодзи*) и женские (*кокубуннидзи*) храмы были не столько центрами культуры в провинции, сколько инструментами реализации государственной идеологии. На первых порах эти храмы были поистине «цветками» провинций, используемыми для внедрения в общественное сознание эффективной для государства идеологии. Но к середине X в. по мере значительного сокращения государственного кормления провинциальных храмов положение дел кардинальным образом изменилось, что неизбежно привело к распаду всей системы. Подр. см.: [Игнатович, 1988, с. 113–116; Накаи Синко, 1982, с. 182–185] (нет с списке литературы).

столичном регионе свирепствовали устрашающие природные явления.

Прославленный сочинитель и государственный деятель Фудзивара Тэйка (1162–1241)²⁵, наставлявший в поэтическом искусстве сёгуна Минамото Санэтомо (прав. 1203–1219), погрузился в тяжкие думы. Уже в 1203 г. таинственные обстоятельства гибели Минамото Ёриэ²⁶, с которым он был знаком лично, пробуждали в Тэйка скорбные воспоминания. И вот снова леденящие душу вести о мятеже Вада Ёсимори, в 1213 г. якобы восставшего против сёгуна Санэтомо (Тэйка и Ёсимори были давно знакомы и зачастую полагались на мнения друг друга. — М. Г.). И все это происходило в год, когда погода не раз преподносила неприятные сюрпризы (1203 г. также оказался богат на погодные аномалии и политические неурядицы). Удрученный страшными известиями Фудзивара Тэйка в один из дней наблюдал придворного, одиноко играющего в мяч в ненастную погоду, и эта картина вызвала у него печаль. Увеселения во время ненастья при дворе не приветствовались, а если досуг неожиданно прерывался непогодой, его следовало тотчас же прекратить. И вдруг: «Небо затянули облака. После полудня полил дождь, [а] младший командир управы охраны государя Тамэиэ последние несколько дней с утра до вечера играет в *кэмари*»²⁷.

Далее Тэйка записал: «За последние годы Тамэиэ не единой книги не прочел, а то, что штудировал семь-восемь лет назад, — “Хао цю” и “Бай юн”²⁸, уже выветрилось из его головы. Все это не что иное, как злой рок нашего дома, проделки злых духов, вводящих людей в заблуждение. В том расплата за прошлые злые деяния. Сколько бы я ни рыдал горькими слезами, грусть моя не изойдет ими. ...Предчувствую конец нашего славного рода, а посему пишу эти строки в безграничной печали, дабы когда-нибудь сие послужило хорошим уроком. Если молвить о самом знаке “мяч”, то нет ли таких слов: “Дворец пришел в запустение, а буйные травы обильно разрослись повсеместно”²⁹? Среди тех вещей, которыми так легко пренебрегают в наш Век конца Закона, “мяч”, должно быть, дольше всего будет пользоваться популярностью» [Мэйгэцуки (Кампо), 1–5–16, 1213].

Но вернемся к Фудзивара Ацумицу. В условиях «коррелятивного мышления», когда оформляется специфическая форма восприятия мироздания на основе интуитивно-ассоциативной системы и мир рассматривается в качестве охваченной сетью разнообразных связей суммы предметов и явлений, вышеозначенная совокупность необычных явлений привела Фудзивара Ацумицу к убеждению, что государству угрожает опасность, и привычная реальность может

25 За длительную придворную карьеру (1166 – 1233 гг.) Тэйка занимал должности как в столице, так в дальних провинциях, дослужив в 1214 г. до поста политического советника императорского двора (*санги*). В 1232 г. его произвели в советники двора 2-го ранга (*тюнагон*), но менее чем через год он оставил придворную службу, всецело посвятив себя буддизму.

26 2-й сёгун из дома Минамото (прав. 1199–1203), сын Минамото Ёритомо, основателя Камакурского сёгуна.

27 [Мэйгэцуки (Кампо), 1–5–16, 1213]. Учебные пособия, изучаемые в детстве и отрочестве будущими государственными мужами, отчетливо давали понять, что «светлое начало» занимается «вскармливанием и взращиванием», а темное «ведает смертью». Игра в мяч (*кэмари*) — действие, проходящее под воздействием «светлого начала» и не должно подвергаться влиянию «вредной *ки*», управляемой «темным началом», ибо это губительно для игрока и окружающей территории, поскольку несет смерть и разрушения. Непогода — вестник «темного начала», в эту пору влияние «вредной *ки*» многократно усиливается. Однако Тамэиэ, пренебрегая существующими установлениями, играет в мяч в непогожие дни.

28 Два китайских учебных произведения дидактической направленности, составленные в эпоху Тан. В Японии использовались в качестве учебников для детей из именитых домов.

29 «Мяч» и «обезлюдение», «одичалость», «заброшенность», «запустение» являются омонимами. Тэйка, таким образом, предчувствует упадок императорского двора. Слова Тэйка оказались пророческими, и «гром грянул» в 1221 г., принеся так называемую «смуту годов Дзёкю» (*Дзёкю-о ран*).

погрузиться в хаос, ибо природные катаклизмы воспринимались как знаки грядущих бедствий³⁰.

Поскольку главенствующая цель истолкования знамений состояла в предостережении властей о вероятности приближения кризисной ситуации, уверенный в своей правоте достославный муж проявил инициативу, мотивированную долгом, и подал доклад, представляющий собой «исследование» зловещих прецедентов, обрушившихся на Японию, в надежде предупредить правителя о ве-

роятности воцарения эпохи «мирорасстройства»³¹. Чтобы уяснить мотивацию Фудзивара Ацумицу, необходимо понимать, что наличие собственной логики (как и собственной обусловленности) в системе коррелятивного мышления выработало небезынтересный системообразующий конструкт, свойственный придворному чиновничеству³², ибо не все природные бедствия признавались дурными предзнаменованиями, а порой осознавались как простые несчастья, предначертанные судьбой³³.

30 В китайской политической философии была выработана следующая схема рассуждений: 1) Небо — это сущность, наделенная разумом, и она прозорливо следит за положением дел на земле; 2) дабы поддерживать надлежащий порядок в мире людей, Небеса задействуют знамения с целью зрительной демонстрации своих волеизъявлений; 3) появление зловещих предзнаменований корреспондирует с желанием Неба предостеречь правителя, вернуть на истинный путь, обозначив ошибки, а также удержать его на этом верном пути; 4) добрые знаки свыше — верный признак поощрения Небес, благожелательных деяниями государя; 5) знамения — не только свидетельства грядущих событий, но и отзвук уже совершенных дел, ибо «добрые знамения предстают обильной чередой, воцаряясь в ответ на явленные [правителем] добродетели» [Байхутун шучжэн, 2018, т. 1, с. 283]. Эта схема не отвергается и в хэйанской Японии, хотя и была адаптирована под японские реалии. Верификация вышеуказанных построений на основе камбунной литературы дает положительные результаты, а «Бай ху тун» можно по праву отнести к трактатам, отсылки к которым зачастую встречаются на страницах хэйанских мужских дневников. Новаторское исследование о роли небесных знамений в жизни хэйанской знати, где на основе широкого круга разножанровых материалов преодолены существовавшие ранее в историографии штампы и заблуждения, было сделано в: [Сигэта Сингити, 2004].

31 Необходимо с осмотрительностью относиться к заявлениям ряда специалистов о возможности применения на японском материале гипотетических построений авторитетного китаеведа Ганса Биленштейна, хотя бы по той причине, что сам исследователь не соотносил свои штудии с японской древней и средневековой культурой. Речь идет о вероятности интерпретации зловещих предзнаменований в качестве результативного способа завалированной критики правителя [Bielenstein, 1950, pp. 127–143]. Вряд ли Ацумицу пытался подвергнуть скрытому обсуждению деяния императора Сутоку, поскольку являлся его наставником с младых ногтей, да и своей карьерой был обязан отцу Сутоку — императору-иноку Тоба. Разве что это было очень тонкое политическое предприятие, реализованное с позволения Тоба, и имевшее нравственные и дидактические цели.

32 Ацумицу был не одинок в своих суждениях. Болезни, как известно, свойственны человеку, и в японских письменных источниках можно часто встретить сообщения о разнообразных недугах (например, простуде — *кадзэ*), а также эпидемиях. Обилие таких свидетельств в обстоятельном собрании актов документации «Руйдзю фусэн сё» позволяет предполагать, что эпидемия оспы (*хосо*) охватывала Японию приблизительно раз в тридцать лет [Руйдзю фусэн сё, 1995, с. 89–92]. Случались и экстренные ситуации. В конце 1093 г. тяжело занедужил и без того не наделенный от природы отменным здоровьем император Хорикава. Это была катастрофа, ибо «высочайший [больной] оспой» (так величали Хорикава при дворе), будучи августейшим правителем и «божеством в теле человека», служил гарантом стабильности и процветания государства, а его хворь грозила вызвать неминуемый беспорядок. На протяжении всего 1094 г. при дворе царило полнейшее замешательство. В финальной записи за тот год Фудзивара Мунэтада подвел итог: «В прошлом году в Поднебесную нагрянула оспа и лютовала до весны года нынешнего, а в этом году оспа зверствовала осенью и зимой. Что же за несчастливый год такой? По этой причине изменили даже девиз правления» [Тююки (Кахо), 1–12–29, 1094]. Час испытаний на этом, однако, не завершился. В 1095 г., едва исцелившись от оспы, Хорикава заболел холерой (*какуруан*), ввергнув двор в состояние паники, а в императорской резиденции было объявлено *моноими* (система строгих запретов с целью очищения) [Тююки (Кахо), 2–7–19, 1095].

33 Между тем, концепция «коррелятивного мышления», при представляющейся практической в качестве исследовательского инструмента, требует осмотрительного подхода. Наблюдаемые в природе отклонения от естественного порядка вещей позволительно интерпретировать и как причину (природа способна определять события человеческого мира), и как следствие негативных явлений в обществе (человек своими «деяниями» оказывает воздействие на природу), а само знамение первоначально могло быть направлено и в прошлое, и в будущее. Об этом см., напр. [Зинин, 1997, с. 32].

Неблагоприятными знаменами становились только те явления, о которых сообщалось в донесениях трону. Зловещим знакам уделялось повышенное внимание, поскольку они рассматривались в качестве ключевых показателей успешности проводимой государями политики³⁴. Правитель, уразумевший причины недобрых знамен и доискавшийся сути происходящего через определение поступков, которыми они были обусловлены, обретал возможность не допустить подобное в будущем. В то же самое время вселяющие страх знаки свыше не воспринимались как нечто противоестественное: в них усматривали само собой разумеющееся выражение дисгармонии, охватывающей все уровни мироздания, а потому полное отсутствие пугающих предвестий трактовалось как признак безучастности небес к судьбе правителя и государ-

ства, нежелательное для императора и державы свидетельство безразличия высших сил³⁵.

Итак, подводя итоги, отметим: считалось, что «правитель обретает совершенную мудрость, только следуя советам» верных подданных, а уклонение от подачи советов было мерилom неблагонадежности. Подача доклада, адресованного государю (или же экс-государю) и содержащего обстоятельное изложение какого-либо вопроса с выводами и предложениями составителя, рассматривалась в качестве одного из важнейших инструментов политики, когда происходило увещевание правителя о возможных недостатках в системе государственного управления. В обычной жизни было принято подавать доклады в соответствии с установленным порядком, соблюдая многочисленные формальные процедуры. Однако в экстраординарных обсто-

34 Приведем безызыскный пример целостного восприятия явлений мира человека и мира природы. В 860 г. из провинции Нагато пришла беда — эпидемия морового поветрия, «умерших было не счесть». Следующий год явил немало устрашающих «сюрпризов». Зловещее гроыхание над дворцовым комплексом, пугающие грозные дожди, необычное (не по сезону) цветение груши и сливы, и в довершение ко всему — эпидемия дизентерии, принесящая лютую смерть многим детям младше десяти лет от роду, как мальчикам, так и девочкам. 862 г. прошел под знаком неестественной сейсмической активности, а 863 г. начался с появления в столичном регионе смертоносной хвори, когда у недужных наблюдались приступы астматического кашля. На этом невзгоды не завершились. Из-за распространявшихся напастей и ритуального загрождения на неопределенное время были отложены значимые священнодействия (*Касуга мацури*, *Тосигои мацури*), а сам дворец закрыт для входа и выхода с целью соблюдения строгого запрета и проведения очистительных мероприятий. Со страниц летописи взору предстает ужасающая картина разгула стихий. Очевидец тех страшных событий с болью отмечал: «Пять знаков не поднялись. Простой народ прозябает в крайней нужде. Люют губительные хворобы. Не пересчитать погибших». Служащие дворцовых ведомств усмотрели корень зла в свирепствовании «проникших» в столичный град «духов-горё». В 5-й луне 863 г. в саду Божественного источника, располагавшегося на территории дворцового комплекса, было проведено грандиозное очистительное действие с целью умиротворения и избавления от мести злобствующих духов, поскольку страх перед духами людей, умерших неестественной смертью, питал веру, что их неприкаянные души способны стать источником несчастий. Обряд был направлен на защиту от шести духов (для них подготовили специальные места, а также цветы и фрукты, источавшие чудодейственные ароматы). То были духи ранее оклеветанных и сгинувших при подозрительных обстоятельствах высокопоставленных придворных, с именами которых связывались катаклизмы последних лет. В летописи констатировалось: «Распространившиеся повсеместно эпидемии сгубили много народу, ...несчастья были порождены злонравными духами-горё» [*Нихон сандай дзицуроку* (Дзёган), 3–8–17, 3–8–27, 3–8–29, 861; Дзёган, 4–7–21, 4–7–23, 4–7–27, 4–9–15, 4–9–21, 4–9–24, 4–9–29, 862; Дзёган, 5–1–21, 5–1–27, 5–2–2, 5–2–3, 5–2–4, 5–4–3, 5–5–20, 863].

35 Дун Чжун-шу (190/179–120/104 гг. до н.э.) — один из величайших философов, царедворцев и ученых мужей в истории Китая, придавший конфуцианству характер государственной идеологии. В «Чунь цю фань лу», которая не только была обязательным учебным пособием для чиновников в древней и раннесредневековой Японии, но и многократно цитируется в трудах Фудзивара Ацумицу, находим такую знаковую характеристику: Чжуан-ван из царства Чу, когда «Небеса перестали являть беды, а Земля “даровать” наказания, взмолился о ниспослании бедствий и кар горам и водам, вопрошая: “Не замыслило ли Небо погубить меня, коли не предуведомляет о моих проступках? Воистину прегрешения мои простираются до [умопостигаемого] предела!”» [*Чуньцю фань лу и чжэн*, 2016, с. 260–261].

ательствах, требовавших незамедлительных действий, первостепенное значение приобретала информация, содержащаяся в докладе. В этом и заключалась еще одна сторона такого качества, ценившегося у слуги правителя, как своевременность, ибо чиновнику предоставлялось право самому решать, какую информацию посчитать безотлагательной. Такой доклад, хотя и должен был соответствовать духу высокой словесности, представлял собой документ конфиденциального содержания, не предназначенный для широкой публики, обращенный в сферу не декларируемой, а реальной политики. Существовали две различные формы участия чиновника в государственном управлении. С одной стороны, формальное исполнение служебных функций, характерное для обычных ситуаций, чрезвычайно стандартизированное и включающее многочисленные условности процедурного порядка, с другой, в случаях, требующих незамедлительного принятия решений, существовала вероятность самостоятельной оценки информации, когда чиновник полагался на профессиональные способности, демонстрируя вышестоящим свою перспективность на государственной службе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Байхутун шу чжэн; (*Подробный отчет [о дискуссии в Зале] белого тигра с пространными комментариями*). в 2 т. Пекин, 2018 [*Baihutong shuzheng. (The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall with Lengthy Comments)*]. Vol. 1–2, Beijing, 2018. (In Chinese)].

Грачёв М. В. Образ Фудзивара Ёринага (1120–1156) в средневековой истории Японии. *Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм*. Ч. 2. М.: МГИМО–Университет Москва, 2014. С. 42–50 [Grachyov M. V. The Image of Fujiwara Yorinaga (1120–1156) in the Medieval History of Japan. *Actual Problems of Internationally Sought Specialists' Training*. Vol. 2, Moscow: MGIMO University. Moscow, 2014. Pp. 42–50 (In Russian)].

Грачёв М. В. Политическая практика в Японии IX–XI вв. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. Т. 13. № 2. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. С. 3–24 [Grachyov M. V. Political Practice in Japan in the 9th–11th Centuries. *Vestnik MSU. Ser. 13. Oriental Studies*. Vol. 13. No. 2. Moscow: Moscow State University Press, 2007. Pp. 3–24 (In Russian)].

Дайки (Записи Великого министра). Токио, 1965 [*Daiki (Records of the Head Minister)*]. Tokyo, 1965. (In Japanese)].

Дэнрэки (Записи царедворца). Токио, 1960–1970 [*Denreki (Records of the Courtier)*]. Tokyo, 1960–1970. (In Japanese)].

Зинин С. В. *Протест и пророчество в традиционном Китае: жанр яо с древности до XVII века н.э.* М.: ИВ РАН, 1997. — 227 с. [Zinin S. V. *Protest and Prophecy in Traditional China: The Yao Genre from Antiquity to the 17th century AD*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 1997. — 227 p. (In Russian)].

Игнатович А. Н. *Буддизм в Японии. Очерк ранней истории*. М.: «Наука», 1988. — 318 с. [Ignatovich A. N. *Buddhism in Japan. Essay on Early History*. Moscow: Nauka, 1988. — 318 p. (In Russian)].

Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисл., перевод и комм. Э. М. Яншиной. М.: «Наука», 1977. — 236 с. [*The Catalogue of Mountains and Seas (Shan Hai Jing)*]. Е. М. Yanshina (Intr., tr, & comm.). Moscow: Nauka, 1977. — 236 p. (In Russian)].

Мотоки Ясуо. *Фудзивара Тададзанэ*. Токио: Yoshikawa Kōbunkan, 2000. — 234 с. [Motoki Yasuo. *Fujiwara Tadazane*, Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 2000. — 234 p. (In Japanese)].

Мэйгэцуки (Записи ясной луны). Токио, 1987 [*Meigetsuki. (Records of the Clear Moon)*]. Tokyo, (In Japanese)].

Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио, 1980 [*Nihon Koki (Later Chronicles of Japan)*]. Tokyo, 1980. (In Japanese)].

Нихон сандай дзицуроку (Правдивые записи о правлении трех императоров). Токио, 2009 [*Nihon sandai jitsuroku (Veritable Records of Three Reigns of Japan)*]. Tokyo, 2009. (In Japanese)].

Руйдзю фусэн сё (*Классифицированное собрание указов и распоряжений*). Токио, 1995 [Ruiju fusen sho (*Systematically classified collection of imperial orders and ministerial decrees*). Tokyo, 1995. (In Japanese)].

Санкайки (*Записи горной софоры*). Токио, 1932. — с. [Sankaiki (*Records of the Sophora Japonica*). Tokyo: 1932 (In Japanese)].

Сёюки (*Записи правого министра*). Токио, 1959–1986 [Shoyuki (*Records of the Right Minister*). Tokyo, 1959–1986 (In Japanese)].

Сигэта Синъити. Оммёси то кидзоку сякай (*Знатоки Тёмных и Светлых [сил] и аристократическое общество*). Токио: Yoshikawa kōbunkan, 2004. [Shigeta Shinichi. *Ommyoshi to kizoku shakai (Ommyoshi and Aristocratic Society)*. Tokyo, 2004. (In Japanese)].

Такэути Ридзо (сост.). Хэйан ибун (*Свод сохранившихся документов эпохи Хэйан*). Токио, 1947–1980 [Takeuti Ridzo (Comp.) *Heian ibun (Collection of the Archival Documents of Heian Japan)*. Tokyo, 1947–1980 (In Japanese)].

Тёсюки (*Записи долгой осени*). Токио, 1965. [Choshuki (*Records of the long fall*). Tokyo, 1965 (In Japanese)].

Тёя гунсай (*Обозрение двора и дальней округи*). Токио: 1964 [Choja gunsai (*Writings of the Court and Provinces*). Tokyo: 1964 (In Japanese)].

Тодзи тёдэя бунин (*Свод назначений настоятелей Храма Востока*). Токио, 1928 [Toji choja bunin (*Appointments of priors of the temple of the east*). Tokyo, 1928 (In Japanese)].

Тююки (*Записи правого министра*). Токио: 1934–1935 [Choyuki (*Records of the Right Minister*). Tokyo, 1934–1935 (In Japanese)].

Фудзимори Каору. Хэйан дзидай-но кютэй сайси то Дзингикандзин (*Придворные священнодействия в эпоху Хэйан и служащие Дзингикана*). Токио: Taimeidō, 2000. — 289 с. [Fujimori Kaoru. *Heian jidai no kyutei saishi to Jingikanjin (Heian Court Rituals and Officials of the Jingikan)*, Tokyo: Taimeidō, 2000. — 289 p. (In Japanese)].

Хонтё сэйки (*Записи о существовании нашей династии*). Токио, 1938 [Honcho seiki (*Records of the existence of our dynasty*). Tokyo, 1938 (In Japanese)].

Хякурэнсё (*Стократно закаленные записи*). Токио, 1942 [Hyakurensyo (*One Hundred Times Hardened Records*). Tokyo, 1942 (In Japanese)].

Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. — 595 с. [A Man in the World of Feelings: Essays on the History of Private Life in Europe and Some Asian Countries Before the Beginning of the New Time. Bessmertny Yu. L. (Ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. — 595 p. (In Russian)].

Чуньцю фань лу и чжэн (*Обильная роса на «Чуньцю» с нормативными комментариями*). Пекин, 2016 [Chūnqiū fánlù yizheng (*Luxuriant Dew of the Spring and Autumn Annals*). Beijing, 2016 (In Chinese)].

Ambrosius L. E. (ed.) *Writing Biography: Historians and Their Craft*. Lincoln & London: Univ. of Nebraska press, 2004. — 166 p.

Bielenstein H. An Interpretation of the Portents in the Ts'ien-Hanshu. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. Vol. 22, 1950. Pp. 127–143.

